

**КОНЦЕПТ БОЛЕЗНИ
В БЕЛОРУССКОЙ И ЛИТОВСКОЙ
ЗАГОВОРНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

М. ЗАВЬЯЛОВА
Москва

Заговоры, как и другие фольклорные тексты, дают ценный материал для реконструкции архаической картины мира, и, возможно, даже более, чем другие, в этом смысле интересны, поскольку являются более табуированным жанром, и потому остаются в большей сохранности в течение длительного времени. Данное исследование основано на материале, полученном с помощью построения тезаурусного словаря, разработанным С.Е. Никитиной, подразумевает понимание всех текстов данного жанра как единого и позволяет выстроить цельную картину мира из множества разрозненных контекстов. В реконструированной таким образом картине мира отчетливо выделяются ключевые концепты, служащие основой образа мира. Взаимосвязь и значение этих концептов позволяет выявить отдельная словарная статья, посвященная данному слову и состоящая из набора всех контекстов этого жанра. Через цепочку взаимосвязанных объектов можно постичь устройство заговорного мира.

Материалом для реконструкции в данном исследовании послужили белорусские и литовские тексты лечебных заговоров. Особенностью литовских заговоров, как и литовского фольклора вообще, является его архаичность, избежавшая поздних наслоений структура. Во многом из-за сравнительно позднего принятия Литвой христианства литовские заговоры сохранили черты языческого мировоззрения и наглядно демонстрируют ранний этап влияния новых религиозных верований на древнюю культуру. Именно в такой ситуации интересно было бы сравнить аналогичные тексты двух соседних культур: в качестве объекта сравнения выбрана белорусская традиция, богатая и гораздо лучше исследованная, чем литовская. Сравнение этих двух корпусов текстов дает интересный материал для сопоставления славянской и балтийской фольклорной картины мира, а также для реконструкции их общей гипотетической основы - балто-славянского заговорного текста, ныне существующей в разных языковых воплощениях. Несмотря на внешние различия белорусских и литовских заговорных текстов, принципы построения, а также содержательная сторона, представляются во многом схожими. При реконструкции модели мира на основании

этих текстов выявляются общие закономерности, а в некоторых случаях, одна традиция дополняет другую.

Здесь представлено описание фрагмента заговорной картины мира, связанного с концептом болезни. Общие представления о природе и причинах возникновения болезней в обеих культурах схожи. И в литовской, и в белорусской картинах мира выделяется обобщенный концепт болезни (общее ее название), обладающий основными чертами, присущими отдельным болезням. Белорусские заговоры, однако, отличаются от литовских одной принципиальной особенностью: избыточностью описаний и чрезмерным количеством деталей. Поэтому и образ болезни является более конкретным и осязаемым, чем в литовских заговорах. В белорусском заговорном мире болезнь описывается во всем многообразии ее проявлений, на что указывают, в частности ее многочисленные эпитеты: *касцяная, галаўная, унутруная, зубная, падумана, нагадана, урочна, падзіўна, пасмешна* и т. д.. Подробно описываются ее действия в прошлом (до того, как ее обнаружил и собирается обезвредить заговаривающий): *белую косць ламала, ружэ мяса збівала, галовачку ламіла, кроў гарачу разжыгала, і холадам зацірала, пад сэрце падлягала, піці-есці не давала*. Заговаривающий обращается к ней с разнообразными предложениями: пытается договориться с ней на равных (*прашу цябе нізкім укланам, пакорным словам*), предлагает ей посетить разные места, где ее ожидает приятное времяпровождение (*там табе й піценне, й ядзенне, й гуляння, снапачыванне*). В литовских заговорах таких подробных описаний нет (ни эпитетов, ни действий болезни в прошлом, ни обещаний "хорошей жизни"), только действия заговаривающего (отсылаю, заговариваю) и приказы (уйди, сгинь). Такая краткость, принятая в литовской традиции, не приводит, тем не менее, к недосказанности или неконкретности: литовские заговоры просто выбирают несколько другой путь достижения цели - четкого и меткого удара, что отражается в ясных и простых формулировках; в противовес белорусской традиции, стремящейся "объять весь мир" бесконечными перечислениями вариантов. Поэтому в литовских заговорах болезнь не имеет эпитетов и атрибутов, заговаривающего не интересуют ее действия в прошлом или будущем, он озабочен только отсылкой болезни, излечением ее, и все действие заговора сосредоточено в этом стремлении: *...Ligos pro šali, priepuoliai pro šali, nog many in sousus medzius, in gilus raistus, kur žmonės nevaiškšioja, gyvuliai nebraidžioja, poukščiai nelakioja* «Болезни мимо, припадки мимо, от меня на сухие деревья, в топкие болота, где люди не ходят, животные не бродят, птицы не летают» (Krėvė-Mickevičius, p. 507, N XVII).

Интерес к занятиям болезни в белорусской традиции смыкается (и возможно, объясняется) с причинами возникновения болезней: по принципу подобия болезни предлагается выполнять те же действия, которые явились причиной ее возникновения, когда их совершал человек: *Выганяю я эту скулу на мхи, на балоты, на сухой лес: там вам красавання, там вам лікавання. На чым жа ты сханілася: ці на радасці, ці на піцянні, ці на едзянні? Ва чым жа ты сханілася, на тым і перастань* (Замовы, 691, ад скулы). То есть, когда человек совершал обычные действия (работал, ел, пил, разговаривал), болезнь за него зацепилась; предоставив ей эти занятия, можно отвлечь ее от человека. Причины возникновения болезни могут быть самыми разными: как уже описанные повседневные действия самой жертвы, так и других людей, их действий, эмоций и мыслей (*завісць, радасць, прыгавор, унушэнне, памышленне*), и, главное, конечно, сглаз - *уроки* (от тох. А, В *reki* "слово", др.-рус. *рокотать* "звучать" (Фасмер III, 497)), т.е. говорить; *падзіўкі* (от *дивиться*), т.е. смотреть. Основные орудия негативного воздействия людей - их язык и глаз.

В литовской картине мира эти причины возникновения болезни выглядят еще конкретнее: глаз выделяется как самостоятельный персонаж, приносящий болезни людям - глаза, как и болезнь, могут овладеть телом человека (они выгоняются из крови, костей, груди), их, как и болезни, отсылают на сухие леса, приказывают обмыть белые корни, серые камни, утопиться и пропасть в глубоком озере. Например: *Viešpatie Jėzau Kristau! Palaimintos tavo šventos akys! Šaukiu į pagalbą nuo akių rudų, juodų, pilkų, rusvų, nuo visokių akių. Siunčiu aš jus ant upių, ant akmenų. Ant okeanų, marių mučikas stovi, ant okeanų marių žvakės dega, giliam ežere ten pasiskandinkit, pradinkit giliam ežere blogos akys* "Господи Иисусе Христе! Благословенны твои Святые глаза! Зову на помощь от глаз карих, черных, светлых, от всяких глаз. Отсылаю я вас на реки, на камни. На океанах, морях мученик стоит, на океанах морях свечи горят, в глубоком озере там утопитесь, сгиньте в глубоком озере плохие глаза" (Dundulienė, p. 55). Параллель "глаза" - "озеро" не случайна: глаз, как и озеро, является входом в потусторонний мир, из которого посредством взгляда может проникнуть в человека нечистая сила. Таким образом, глаза, как источник влияния злых сил, направляются обратно, в близкий им мир, чуждый человеку, запредельный.

Остальные причины возникновения болезней в литовской картине мира аналогичны белорусской - радость (*pasidžiaugsmas*), зависть (*pavydas*), уроки (*zrokai* - славизм), бури (*audros*), вихри (*viesulos*) (ср. в белорус. - *вецер, вада, туча*), а также нечистая сила (*nelabos dvasios, slegučiai*). Причиной, вызывающей болезнь, в

белорусской традиции может быть и просто человек (*жанчына, мужчына, хлопец, дзеўка, ацец* или даже *маладзеньца*). Большую группу причин, вызывающих болезни, в белорусской картине мира составляют образования с префиксами *па-, пры-* (*прыстрэкі, прысмак, прыгавор, паддзел, памышленне, падзіўкі, падымкі, падумка, падойм, падарванне*), со значением присоединения или чрезмерного действия, а также усиленные, чрезмерные чувства, действия или переживания (*натуга, испуг, ляк, зляк, нервы*). То есть, можно сказать, болезнь возникает как нечто добавочное, присоединяющееся к целому, как обуза. Ср. значение слав. *лихо*, чеш. *lichu* “лишний”, давшего название некоторым болезням (лишай, лихорадка) - от лат. *relinquō, lictus* “оставляю”, первоначальное значение которого было “остающийся, превышающий меру” (Фасмер II, 505). Возможно, с этим значением связаны сравнения разных болезней с чем-то лишним, добавочным, ненужным, например, суком, отростком у дерева: ...*Як у сухому дрэву і ў шчыраму бару і ў зяленаму бару адростку ня драстаць, так у божжу ўздыханню шалу ня бываць і ня трыгацца* (Замовы, 450, *ад шалу*); *Сук-яліначка, тут табе не стаяці, табе ў Колечкі не бываці, табе, Колечка, грызі не знаць*. (Замовы, 766, *ад грыжы*). (Ср. в литовском заговоре от рожи: *Saka, eik ont žemes, kuo pre žtuoiaus kabinies...* “Сук, иди на землю, чего к человеку цепляешься” (LTR 3510 (49)) и от лишая: *Kaip nakcis dzyla, kap dziena dzyla i kap ita šaka dziūsta, tegu ite ita dedervinė išdziūsta. [reikia dar seilēm paspjaudžius trinti dedervinę dešinės rankos pirmu (bevardžiu) pirštu, ir vis tą pirštą pirmą patrint bile kur į sauso medžio šaką]* “Как ночь стирается, как день стирается, и как этот сук сохнет, пусть и этот лишай высохнет. [надо еще поплевав слюной, тереть лишай безьянным пальцем правой руки, и этот палец потереть о сук какого-нибудь сухого дерева]” (TD, N 455).

Интересно отношение к атрибутам сухого дерева как лишним, ненужным, и устойчивое сравнение их с болезнью, привязавшейся к человеку. Представления о вызывающих болезни посторонних сущностях, входящих в человека, отражаются в убеждениях, что причиной воспаления на пальце, например, является червь (*валаснік*), тот же червь точит зубы при зубной боли, медведь или волк забираются в глаз (в литовских заговорах от глазных болезней), когда изжога мучает человека, она сравнивается (в литовских заговорах) с волком, который загрызает овцу, или кроликом, грызущим капусту (*Ėda ėda rėtuonėlis Kaip kiškelis kopūstėlius, Kaip ožkelė žalią žolę, Kaip vilkelis žalią mėsq* “Ест-ест изжога, как кролик капусту, как козочка зеленую траву, как волк свежее мясо” (LT, р. 904, N 9338)). В белорусских заговорах

болезнь часто сравнивается с птицей: *Золат залатнічок, стары старычок, па Алёшкаваму жываму не хадзі і касці не ламі, стань на месцы, як сокал у гнязде; як салавейчку на вароцечках не ўспяваць, так у Валечкі падымачку-падвяроду ў целе да смерці не бываць; Залатэй доннік, сярэбраны доннік, стань ты ў пупе, у макавым зарне: тут тваё мясцечка, як салаўю гняздзечка*. Очевидно, все эти персонажи (черви, звери, птицы) имеют отношение к чужому миру, дикому и неизвестному, и потому опасному (ср. поверье о том, что если птица залетела в дом - будет покойник; языческие представления о вселении душ умерших в птиц).

Однако в белорусских заговорах более типичным является наделение самой болезни антропоморфными чертами, ср., например, обращения к болезням: *скула, красная панна; каўтун — добры чалавек; грызіца, добрая маладзіца; звіх, божы чалавечэ; удару, слаўны гаспадару, удар Купрыян*. Болезнь предстает в полном человеческом облики, ходит, едет (например, *ехаў звіх па зяленаму лугу* - ср. литовский заговор от изжоги: *Kartelis jojo ant širmos kitelės* “ехала изжога на своей кобыле” как не очень распространенный случай), может пить, есть, гулять, она рождается, имеет мать, отца, бабу: *залатнік, цябе маці парадзіла, на залатом крэслі пасадзіла, макавым зернем пасыпала, шаўковай нітачкай надвезала; бабка бабіла, кумы хрысцілі*). Поэтому и обращаются с ней как с человеком, с равным: уговаривают, упрощают, приглашают за стол (*я ж цябе прашу, табе смачна есці даю, мякку пасцель сцялю, цябе, каўтуна, спаць кладу*), предлагают хлеб-соль и одежду (в обмен на здоровье): *Крыксы, крыксы, дарую я вас хлебам-соллю, белай рубаішчаккай, красным паясочкам - даруіця майго дзіцяці добрым здароўем і сном!* (Замовы, 1138, *ад напніц, крыксаў*). В таких случаях, видимо, одного договора достаточно для излечения: болезнь получает подарки и увлекательные занятия и оставляет человека. В случаях же, когда обещаний недостаточно, заговаривающий прогоняет болезнь сам и угрожает ей расправой (*я вас, балезні, распалю на шчэпкі, засушу ў жаркай бані, сцюдзенымі льдамі замарожваю, халоднай вадой ахаложваю, я вас у зямлю зарыю, на агні спалю*).

Все действия, совершаемые заговаривающим с болезнью, имеют целью выгнать ее за пределы своего мира в тот, чужой, из которого она пришла, чтобы обеспечить целостность организма. В противоположность составлению, соединению частей тела (знаменитая формула “кость с костью, жила с жилой, кровь с кровью”) болезнь должна разделиться, разбиться, рассыпаться на множество мелких осколков (*ударся ты аб ты камень і рассыся на мелкія частачкі, табе (скула) драбней маку рассыпацца, (залатнік) выкацься гарошынкаю, рассыся на дробненькі мак, сабярыся ў хмялеву шышачку*). Метаморфозы, которые должны

произойти с болезнями, ставят целью разделить, уменьшить и удалить болезнь: мак, зерно, перо, перец, шишка, малина, горошина, маслина, щепка, в которые должны превратиться болезни, обладают общим признаком “маленькое, дробное, мелкая часть целого, способная быстро катиться (лететь)”. Зерно может стать и причиной болезни (см. ячмень, пшеница в глазу в белорусских заговорах).

В литовских заговорах уменьшение и расчленение болезни отражено в мотивах разрубания грызи (боли в суставах): - *Ką kertį? - Girždeleį kertu - Kol kertį? - Tol kirsiu, kol nukirsiu* “Что рубишь? - Грызть рублю - до каких пор рубишь? - до тех пор буду рубить, пока не разрублю” (LT, p. 900, N 9317), разрывания змеи на мелкие кусочки: *Šventas Dievo kardas, geležinės akėčios, juodi arkliai tegul tave sutrauko į striūgus striunkelius* “святой божий меч, железные бороны, черные кони пусть тебя разорвут на мелкие части” (Balys, p. 58, N 394); размельчения рожи: (*rožė*) *Jėzus Kristus maklynėj sumynė* “Иисус Христос смолот на мельнице (рожу)”; и разрывания болезни: *Pono Dievo angelas šią ligą perplėš, Perkūnas nuspirs. Išdils, kaip delčios Mėnuo, sudžius, kaip liekno švendrė* “Ангел Господа Бога эту болезнь разорвет, Перкунас оттолкнет. Сотрется как старый Месяц, засохнет, как гибкий тростник” (Balys, p. 81, N 526). Однако самым распространенным сравнением болезней являются упомянутые в последнем примере месяц и тростник. Болезнь должна исчезнуть, засохнуть, уйти, согнуть, завянуть (рожа), пропасть, погибнуть; заговаривающий (или другие персонажи) убивает ее, высушивает, прогоняет, загрызает (грыжу), завязывает, выбрасывает, истребляет. Как видно, пространственное противопоставление свой мир/чужой мир, так ярко выраженное в белорусских заговорах, в литовских выглядит довольно размытым: заговаривающий заинтересован в том, чтобы болезнь ушла куда-то, исчезла, но путь ее и место, куда она должна отправиться, его практически не интересуют. Единичные упоминания касаются деревьев, на которые должна упасть болезнь, и серых камней, белых корней, куда она должна уйти, однако основная цель заговаривающего - добиться полного исчезновения болезни (как исчезает старый месяц).

Для этой цели помимо прямого обращения и изгнания болезни используются и другие, менее прямолинейные методы. Особое место среди заговорных методов лечения занимают различные приемы табуирования: это может быть метафорическая замена названия болезни сходными по какому-либо признаку объектами (например: *Із-пад ясний зары, із-пад беляя гары цякло тры ракі. Рака малочная, вадзяная і крывяная. я малочную разан'ю, вадзяную*

разаллю, а кравяную астанаўлю (Замовы, 480) - заговор от кровотечения; *Paikštis be geluonės, medis be liemens, vanduo be kojų. “Птица без жала, дерево без ствола, вода без ног”* (Mansikka, p. 81, N 76) - заговор от змеи). Сравнения в этом смысле - самый простой тип табуирования, кроме того существуют описания течения болезни, где табуированным оказывается больной. Чаще всего описывается путь третьего лица (иногда - святого или другого могущественного персонажа) и происшествия с ним в пути, аналогичные тому, что произошло с больным. далее следует описание чудесного выздоровления. По-видимому, это табуированное описание пути больного (где образ больного заменяется другими персонажами), происшествия с ним и выздоровления, - является моделированием желаемой ситуации на примере кого-то другого. Мотив пути служит, видимо, имитацией процесса лечения, подчеркивает его динамику, прогресс. Воспроизведение “истории болезни” является аналогичным приему имитации грозящих человеку неприятных событий в уменьшенном виде, что характерно для поведения первобытных народов: проигрывая аналогичную ситуацию, создавая обстоятельства ее возникновения, можно избежать ее в реальности.

Однако методы лечения во многом зависят от характера болезни. Например, в заговорах от рожи преобладает описанный выше способ, то есть описывается путь божественного персонажа и его действия с метафорически представленной болезнью; заговоры от крови в основном построены на сравнении крови с рекой Иордан, в которой остановилась вода (или была остановлена Иисусом). содобное распределение может быть вызвано тем, что для каждой болезни найдено определенное наиболее эффективное средство, которое, в силу некоторых причин, оказывается подходящим к характеру болезни.

Если рассмотреть каждый вариант, то выясняется, что эффект основан на известном принципе подобия, то есть, каждая болезнь лечится тем, чем она вызвана или на что она похожа. В этой связи интересна классификация болезней и их названия. Болезни могут обозначаться:

- по месту их проявления: белорус. *галаўніца, маташнік, доннік* (заболевание органов брюшной полости от дна “матка женщины”);
- по времени их появления: *начніцы, вяснянка, лістападніца*;
- по внешнему виду: *рожа* (красным воспалением напоминающая цветок), *скула* (чирей, нарыв, вздутие), *круг* (лишай, обычно в форме круга), *бельмо*; лит. *rožė* (“рожа”), *gimbas* (дословно “шишка, желвак”, связано со слав. губа “гриб, нарост на дереве, выпуклость” (Фасмер I, 468), обозначает болезнь, при которой происходит вздутие живота), *klynas* (“клин”, синоним предыдущего),

dedervinė (“лишай”, скорее всего от *derva* “смола”, родственного рус. *дерево*, в силу сходства кожи во время заболевания с древесной корой);

- по причине, их вызывающей: *волас*, *валаснік* (червь, вызывающий нарыв на пальце), *падвей*, *удар*, *звіх*, *ушыб*, *астуда*, *пужанне*; лит. *išgąstis* “испуг”, *išnerimas* “вывих”, *vėjo užpūtimas* “продувание ветром”, *navikaulis* “навья кость”;

- по образным эпитетам и сравнениям: *залатнік* (“матка, женская утроба” от *золотой*), *радзімец* (“падучая болезнь” от *родной*), *лішай* (производное от *лихой*, др.-рус. *лихъ* “лишенный, печальный, злой, плохой, лихой, отважный” (Фасмер II, 505), *ліхарадка* (собственно “рада лиху, злонамеренный”), лит. *kartelis* (“изжога” от *kartus* “горький”), *geltligė* (“желтуха” от *geltonas* “желтый” + *liga* “болезнь”);

- по способу проявления: *грызь* (боль в суставах), *крыкса*, *плакса*, *несанота*, *недрамота*, *калатуха*, *маргаль*, *пачасуха*, *судора*, *трасіца*, *рэзанка*, *смуціца*, *касталомжа*, *патніца*, *колькі*, *жога*, *гарачка*, лит. *parišėnia* (“болезнь внутренних органов, когда они сдвигаются с места”, от польск. *poruszenie* “приведение в движение”), *reūio* (“изжога”), *sukatos* (от слав. сохнуть, чахнуть, “чахотка”), *džiova* (“чахотка” от *džiovinoti* “сушить”), *lamanina* (от слав. ломать), *grižius* (“грызь, боль в суставах” от *griaužti* “грызть”), *drugys* (“лихорадка” омоним “бабочка”, родственно рус. дрожь, польск. *dreszcz* “дрожь, озноб”).

Вероятно, именно мотивированность внутренней формы названий болезни отражается на методе их лечения. Например, грызь - боль в суставах, артрит, возникающий при чрезмерной нагрузке на суставы (чаще всего рук), в результате чего они лишаются смазки и начинают скрипеть, издавать характерный звук, вероятно, послуживший причиной такого звукоподражательного названия, - лечили угрозой загрызания. Тексты, направленные на излечение от этой болезни, изобилуют звукоподражаниями (особенно литовские: *grauži, grauž, kad išgraužtum* “грызешь, грызи, чтоб выгрыз”; *kremc kad iškrimstum* “кусай, чтобы выкусить”; ср. белорусские: *грызу, закусаю, загрызаю; заць з рукі грызь выгрызае*). Аналогичным образом сравнение болезни рожи с розой спровоцировало появление мотивов исчезновения цветка, вследствие чего должна исчезнуть болезнь: *Ėjo Kristus keliu, rado tris rožes: viena rožė nuvyto, kita nudžiūvo, trečia prapuolė* “Шел Христос по дороге, нашел три розы, одна завяла, другая засохла, третья пропала” (LTR 3641 (519)); *Ішоў Хрыстос па полю, нёс тры розы: адна акамянела, другая адзержанела, трэцяя згінула, згінь і ты, боль, нячыстая рожа*

(Замовы, 720). Гишай в литовских заговорах сравнивается с деревянным суком (см. приводившийся выше пример), что соответствует этимологии слова *dedervinė* “лишай”. Белорусское слово такой коннотацией не обладает, и при лечении болезни лишай отправляют к свиньям: *лішай, свінням мяшай, ідзі да свіней нанач* (ср. литовский заговор: *Dedervine, dedervine, aik juodai kiaulai maišyk, kad tavi nebūtu, kad tu prapultai ir kad tavi nebūci!* “Лишай, лишай, иди черной свинье мешай, чтоб тебя не было, чтоб ты пропал и чтоб тебя не было” (LTR 3194 (86)) - скорее всего, заимствование).

Табуированность названия лихорадки в белорусских заговорах отражается в текстах табуированностью ее проявления вообще: вместо болезни сразу выступают дочери царя Ирода, жены, девки, идущие мучить людей. После угроз и предупреждений встреченного по пути божественного персонажа они пугаются и обещают оставить в покое жертву. Выделение главного персонажа, владеющего болезнью, чаще старшего родственника, характерно для белорусских заговоров, например, мать вывиха: *Ізвѣхова маці па полю хадзіла і сваіх сыноў звѣхоў будзіла: “Сыны мае звѣхі — і Іван, і Раман, і даніла, памагайця ётаму ліху!”* (Замовы, 549).

Особенности внешнего вида болезни органов брюшной полости (белорус. *залатнік*, *доннік*; лит. *gumbas, klynas, taciša, parišėnia*), проявляющейся во вздутии живота, любом местном затвердении, которое сопровождается сильнейшими болями, побуждает соотносить ее с поведением органов внутри организма. Считалось, что это состояние вызвано смещением матки со своего места, матка “туляет” по организму (чаще поднимается вверх), причем как у женщин, так и у мужчин, и причиняет боль. В связи с этим заговоры от этого заболевания стремятся поставить ее на место: *...Як на небе маладзічок, зоркі і балачынкi круг свету ходзяць, расходзяцца і на свае месца становяцца, так і ты, залатнічок, хадзі, расхадзіся, свайго месца пільнуйся і на свае месца станавіся — ля пуна, ля пуна, ля пуна.* (Замовы, 779, ад *залатніка*); *Жывот, жывот, жываток мой, залатнік, залатнік, залаціся, на месца, залатнічок, станавіся. Тут табе не стаяць, бакоў не закладаць, на месца жывату-залатніку стаць, рабе божай Галі ў помачы стаць* (Замовы, 780, ад *залатніка*). По подобному принципу построены литовские заговоры от “гумбаса”: *Gumbas turi savo dvarą. Išsikačiok, išsivaliok ir in daikto atsistok* “Шишка (гумбас) имеет свой двор. Выкачайся, вываляйся и на место встань” (Mansikka, p. 98, N 155); *Kaip gumbas, taip klynas turi savo dvarą; pasikačiok, pasivoliok. Kaip aktuo underin, taip gumbas zemyn* “Как шишка, так клин имеют свой двор; покачайся, поваляйся. Как камень в воду, так шишка вниз” (Mansikka, p. 97, N 154). Это место, на которое должен

вернуться “залатнік-гумбас”, в белорусских заговорах называется залатым крэслечком и сравнивается с птичьим гнездом (*залатэй доннік, сярэбраны доннік, стань ты ў пупе, у макавым зярне: тут тваё мясцечка, як салаўю глядзечка*), с маковым зерном и даже с церковью: *як Божай матацы з цэркаўкі не выхадзіць, так залатнічку з места не схадзіць*. Соотнесенность тела человека с пространством, а центра его (середины, пула, на котором должен стоять соответствующий орган) - с центром мира, проявляется в белорусских заговорах, где залатнік отсылается одновременно на место в теле и на место в пространстве, где его ждут одинаковые занятия: *Залатнічок-падымачок... Сядзь сабе на месцечка, на залатым крэслечку, там цябе матка раджала, тонкай ніткай звязала. Там табе ядзенне, піценне, усякае весяленне* (Замовы, 787); *У садочку столікі засланья, кубачкі налітыя, без цябе не пітыя, ідзі напіся, спаць палажыся. Знясі ліха з Ганнінага стану на сухі лес, на ніцья лозы, на жоўтыя пяскі, дзе сонца не свеціць, месяц не (зыходзіць, пташкі не лятаюць, — туды цябе сылаю* (Замовы, 789); *Тады ты хадзіў, тады ты бушаваў, як ты майго духу не чуваў, а цяпер я цябе прашу, умаляю, за ніцья лозы адпраўляю, дзе сонца не свеціць, вецер не вее, дзе пташкі не далетаваюць. Там табе залатая пасцелька, там твой бацька і маці будуць цябе паважаці, паннаю называці* (Замовы, 790).

В белорусских заговорах залатнік является одновременно названием болезни, частью тела и персонифицированным персонажем: он рождается, его крестят, сажают на место, одевают красный колпак, он *ішоў на залатому масту, спускаў свае косы на сырой траве, на сырой зямлі*. Это соответствует архаическим представлениям о том, что каждый орган в некотором смысле самостоятелен, обладает своим характером, настроением, свойствами, а также может метонимически замещать всего человека - своего владельца.

Примером еще одного такого существования части тела отдельно от человека может быть в белорусской традиции болезнь *валаснік*, называемая еще *волосом*. Как и другие болезни, он выгоняется из всех частей тела и посылается на мхи, болота, гнилые колоды. Это название (содержащее метафору: червь (узкий и длинный) - волос) обуславливает всевозможные сравнения в заговорах и игру слов, например: *Есь на моры белы камень, на том камні святая Бугуродзіца сядзела, русую касу часала, ніцы волас выбірала, на ваду брасала і з раба божага валасень злы, валасень лоты вынімала і на вецер пускала* (Замовы, 751); *валасы, ідзіце на каласы* (Замовы, 753).

Подобным образом и в литовской картине мира части тела могут выступать как самостоятельные персонажи и одновременно названия болезней (ср. диалог с зубами: - *Dantys, dantys, ar jūs bivot*

ant to svieto? - Ne - Ar jūs žinot, ar ten sopa dantys? - Ne - Tai tegu ir tau nesopa! “-Зубы, зубы, были ли вы на том свете? - Нет - Знаете ли вы, болят ли там зубы? - Нет - Так пусть и у тебя не болят” (LTR 4311 (67)). В литовских заговорах некоторые органы часто воспринимаются как причина болезни самого себя, и пригрозив им, можно добиться их хорошего поведения: *Ašėjau per žalią girią ir matau gilų šulinį. Aš tave noriu, tave, 'tą dantį', noriu prigrindyti ir nugramzdinti, kad tu man daugiau nebeskaudėtum* “Я шел через зеленый лес и вижу глубокий колодец. я хочу тебя, тебя, “тот зуб”, хочу погрузить и утопить, чтобы ты у меня больше не болел” (Balys, p. 67, N 444). Аналогичные примеры обращения к костям в заговорах от боли в костях (ломоты): *Kaule, kaule, gyvas kaule! Atadiu mana gražumų, pasim sava laužimų* “Кость, кость, живая кость! Отдай мою красоту, возьми свою ломоту” (TD, p. 181, N 460); *Kaulelis, iššokis iš savo vietos, atgal kaulą į savo vietą, kur Dievas tave sutvėręs* “Кость, выскочившая из своего места, назад кость на свое место, где Бог тебя сотворил” (Balys, p. 73, N 479).

Однако, следует отметить, что лечение с помощью принципа подобия и обращение непосредственно к источнику недуга характерно для не очень “серьезных” болезней. Чем сложнее болезнь, тем изощреннее способы лечения, тем больших усилий требуют они. В таких случаях, как правило, заговаривающий, не рассчитывая уже на свои силы, обращается к более могущественным персонажам. Интересно, что в белорусской традиции это происходит гораздо чаще, - иногда, даже действуя сам, заговаривающий прежде всего заручается поддержкой могущественных лиц (отсюда молитвенный зачин, характерный для большей части белорусских заговоров: *Госпаду Богу памалюся, святой Божай мацеры пакланюся. Святая Божая маці, прыступі, намажы*). Нередко заговаривающий боится обнаружить собственные усилия, направленные на исцеление, прикрываясь другими именами: *Не я зачэрчаю, не я загаварю — зачэрчая, сам Гасподзь Бог Ісус Хрыстос і срасвятая маці Багародзіца са ўсімі святымі ангаламі і архангаламі*. Весьма популярен сюжет обращения заговаривающего к некоторому персонажу, находящемуся в определенной точке пространства и так или иначе владеющему ситуацией. Это может быть бабка, девица, дед, птица, неодушевленный персонаж (напр., дуб) или персонифицированная болезнь (главный элемент множества болезней, которому подчиняются остальные), так или иначе - ошутимо стремление к некоторому центру, поиск центра, главного персонажа, первопричины. Это и является, по-видимому, основным отличием белорусского заговорного мира от литовского, в котором каждый объект и персонаж является самостоятельным

центром и не нуждается, как правило, в поисках более влиятельного лица. Заговаривающему доступен весь мир "здесь и сейчас", ему нет надобности куда-то идти, чтобы достичь желаемого результата, он общается на равных со всеми объектами мироздания. Вероятно такое равновесие в литовских заговорах, в которых заговаривающий, являясь, несомненно, центральной фигурой, тем не менее, ощущает себя звеном цепи взаимосвязанных объектов целого мира, в противовес белорусской иерархизированной картине мира, является еще одним доказательством большей архаичности литовской традиции. В то время как в белорусской картине мира более заметно проявилось влияние христианского мировоззрения.

И тем не менее взгляд на болезнь и в литовской, и в белорусской картинах мира практически идентичен, вероятно, он имеет древние глубокие корни. К образ болезни, как мы видим, далеко не однозначен: она (болезнь) не всегда непременно относится к чужому, постороннему миру, из которого приходит нечистая сила. Как мы выяснили, болезнь осознается всегда как что-то лишнее, избыточное, противоестественное, хотя, например, персонификация болезни, наделение ее антропоморфными чертами в белорусских заговорах ставит ее в один ряд с человеком; многочисленные метафоры, сравнивающие ее с девкой или хлопцем также проецируют ее на свой, близкий мир. даже больше того - отождествление болезни с больным органом (кость, зуб, залатник) вводит ее уже в контекст человеческого тела. Таким образом, можно сказать, что представления о болезни существуют как бы одновременно в двух измерениях: на уровне близкого человеку мира, в плоскости собственного тела, собственного дома и семьи, где болезнь занимает равное положение среди других членов общества; и на уровне более масштабном, где человек уже входит в контекст объектов мироздания, и части тела соответствуют элементам пространства, и существует запредельный мир, куда могут отсылаться не только явно принадлежащие этому миру объекты, но и отдельные органы того же человека - например, глаза, несущие вредоносную информацию. Такое кажущееся противоречие тем не менее объяснимо принципами мифологического мышления, которые подразумевают связанность и взаимозаменяемость подчас далеких в логическом понимании друг от друга объектов. Возникающая вследствие этого размытость границ между противоположными мирами, амбивалентность их элементов обеспечивают легкий переход из одного пространства (или состояния) в другое, что, может быть, и служит залогом успешного избавления от болезни.

Список сокращений

Замовы - Замовы. уклад. Г.А. Барташэвіч. (БНТ: Беларуская народная творчасць). Мінск, 1992.

Фасмер - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Санкт-Петербург, 1996.

Balys - Balys J. Liaudies magija ir medicina. Bloomington, Indiana, 1951.

Dundulienė - Dundulienė P. Akys lietuvių pasaulėjautoje. Vilnius, 1992.

Krėvė-Mickevičius - Krėvė-Mickevičius V. Kerai. // Tauta ir Žodis, IV, 1926.

LT - Lietuvių tautosaka. V t., (Smulkioji tautosaka, žaidimai ir šokiai), Vilnius, 1968.

LTR - Lietuvių tautosakos rankraštynas (Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas).

Mansikka - Mansikka V. Litauische Zaubersprüche. Helsinki, 1929.

TD - Vilniaus krašto lietuvių tautosaka // Tautosakos darbai, t. IV, Kaunas, 1938 m.

La malattia nella concezione magica bielorusse e lituana
Marja Zav'jalova (Mosca)

Nell'articolo si studiano fatture curative lituane e bielorusse, e in particolare si analizza un frammento sulla visione magica del mondo relativo alle malattie. La descrizione si basa sul cosiddetto Thesaurus (metodo di S.E. Nikitina) che considera tutti i testi relativi a questa tematica come facenti parte di un testo unico, permettendo così, a partire da vari contesti sciolti, di ricreare la visione del mondo integrale. L'articolo prova a ricostruire alcune immagini arcaiche tipiche dei popoli baltici e slavi sulla natura delle malattie, le ragioni della loro insorgenza e i metodi di guarigione.